

Приславкин Анатолий
(70-летний
робиней
исабеля)

2410.01

ИСКУССТВО ЖИТЬ ДОСТОЙНО

Общая газ. 2001-18-24окт.-с.9.

Подвиг громким не бывает

Анатолию Приславкину 70 лет

Руслан АУШЕВ

Всего три личных встречи были у меня с ним, и каждая как бы продолжала во мне след, оставленный первым знакомством. Оно было заочным, и не с человеком, а с книгой. Я тогда приехал в отпуск к себе в Грозный, а в республике словно гул стоит — вся Чечено-Ингушетия читает только что вышедшую повесть Анатолия Приславкина «Ночевала тучка золотая», только о ней и говорят. Я, конечно, тоже нашел ее и прочел. И испытал то сильное чувство, которое испытывал в те дни каждый чеченец или ингуш. Ну, конечно, тема. До Приславкина ее коснулся только Твардовский в строках о Сталине: «Он мог на целые народы обрушить свой верховный гнев». Но то — публицистическая строка, а здесь трагедия депортации, которая касалась каждой нашей семьи, невысказанным грузом лежала на душах наших старших, вдруг оказалась открытой миру. Да еще на таком неизведанном и абсолютно конкретном материале, в такой непосредственной правде, увиденной глазами ребенка, послевоенного сироты, занесенного со своим детдомом в почти обезлюдевшие наши края. И вот этот бездомный потерянный мальчишка вдруг сумел вобрать в себя печаль и горечь этой земли и понять бездомную судьбу народа, лишенного родины, а когда вырос, то первым, задолго до всяких законов о реабилитации, вынес приговор бесчеловечному миру взрослых, допустивших такое, и дал предостережение на будущее. Как выяснилось, и в этом писатель оказался прав... «Тучка...» по сей день для нас единственная в своем роде книга, можно сказать, настольная книга в каждой вайнахской семье, даже там, где пока и дома и стола нет. Но — обязательно будет, потому что народ нельзя убить. Это тоже без громких слов показал Приславкин. Конечно, я не мыслил тогда, что когда-нибудь встречу с этим человеком воочию, буду говорить с ним... Но я уже знал, что первое чувство, которое я испытал от встречи с его повестью, останется во мне до конца — чувство благодарности писателю по имени Анатолий Приславкин.

Вторая встреча случилась много позже. Нас свели журналисты, посадили друг против друга и стали записывать наш диалог о чеченской войне. В жизни Приславкин оказался очень простым, очень расположенным к собеседнику, и о журналистах мы скоро забыли. Я затронул тему исторических взаимоотношений Чечни и России, а он вспомнил, как в тридцатые годы красноармейцам выдавали русско-чеченские разговорники, где основными выражениями были «Руки вверх!», «Покажи, где дом бандитов?», «Кто в ауле главный бандит?». «У тех, кто начинал эту войну, тот же взгляд на чеченцев, как

будто не было в России Толстого, Лермонтова», — удивлялся Анатолий Игнатьевич. «Общество больно жестокостью и равнодушием», — согласился я и почувствовал, что задел большую для него тему. В то время, а это начало 1999 года, и Хасавюртовский мир с Чечней был, считайте, уже утроблен, и позиция Приславкина по чеченской проблеме могла толковаться к его невыгоде. Но я убедился, что у этого мягкого человека есть внутри негибимый стержень.

Третья наша встреча состоялась по моему желанию. Мне нужны были его совет и поддержка, в том числе и как Председателя Комиссии по помилованию. Накануне мы, ингуши, обратились к Президенту с предложением — через процесс помилования решить одну из весьма специфических проблем — проблему кровной мести. Этот старинный обычай — элемент народного права, живущего на Кавказе по сей день. Есть кто-то следующий, кто обязан отомстить за своего убитого уже как бы безмотивно, только в силу обычая. Если эту цепочку, протянувшуюся в будущее, не разорвать, она может быть бесконечной. Разорвать ее можно, если к этому последне-

му, судимому и приговоренному, применить инструмент помилования. В этом был смысл наших предложений и содержание предстоящего разговора с Приславкиным. При этом Анатолий Игнатьевич вновь обнаружил удивившее меня уважительное знание народных обычаев и обусловивших их обстоятельств. Он согласился с моими доводами и обещал поддержать наши предложения. Сегодня, когда вокруг его Комиссии развернулись интриги и ее работа оказалась практически парализованной, я решительно отказываюсь понимать тех, кто это все затевает. Писатель, добровольно, не получая за это ни копейки зарплаты, взвалил на себя ношу, непомерную для души, и занимается тем, что просто необходимо сегодня при нынешнем состоянии нашей правовой системы. Да необходимо во все времена, потому что во все времена человек и его судьба в чем-то обязательно не уместятся в пределы Кодекса. Где-то я прочел у Приславкина: «подвиг не бывает громким». Вся его жизнь и деятельность представляются таким тихим — не напоказ — подвигом настоящего русского интеллигента.